

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2008 г. Ю. В. Козубенко¹

*Большинство людей скорее умрут,
чем станут думать.
Многие так и делают.*

Бертран Рассел
*“Most men would rather die,
than think. Many do”*
Bertrand Russell²

В настоящее время определение уголовного преследования как элемента в механизме уголовно-правового регулирования с точки зрения реализации норм права в теории уголовного процесса не получило надлежащего внимания и разработки. Правда, отдельные исследования в этом направлении предпринимаются, однако они сводятся в основном к изложению ранее разработанных концепций. Думается, что процесс осуществления уголовного преследования может быть наиболее плодотворно исследован лишь с уголовно-процессуальных, уголовно-правовых и общетеоретических позиций в совокупности.

Ныне в уголовно-процессуальной литературе широкое распространение получило понимание уголовного преследования как деятельности, предшествующей разрешению дела и состоящей в формулировании и обосновании вывода о совершении определенным лицом конкретного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом³. Дефиниция, предложенная нами ранее, сводится к тому, что это не только уголовно-процессуальная деятельность компетентных органов и должностных лиц по изобличению лица в совершении преступного деяния, но и деятельность по обоснованию того, что это лицо должно нести уголовную ответственность.

Приведенные дефиниции уголовного преследования, несомненно, имеют немало положительных сторон, так как такое определение соответствует сложившемуся в науке уголовного процесса понятийному аппарату и действующему законодательству.

Так, Л.В. Головкин полагает, что процессуальный аспект уголовной ответственности совпадает с классическим для уголовно-процессуальной науки понятием уголовного преследования, соглашаясь с М.Н. Каплиным в том, что понятие привлечения к уголовной ответственности “несет явный процессуальный оттенок и встречается лишь тогда, когда речь идет не об уголовной ответственности, а об уголовном преследова-

нии”⁴. Последнее часто употреблялось и употребляется современным законодателем (например, в п. 23 ст. 10 Модельного УПК для государств – участников СНГ), но до недавнего времени (до принятия УПК РФ) нигде им определено не было – все дефиниции носили сугубо доктринальный характер. В науке принято было считать, что к функциям уголовного преследования относятся деятельность по возбуждению уголовного дела в отношении конкретного лица, задержанию этого лица и применению в отношении его меры пресечения, привлечению лица в качестве обвиняемого, составлению обвинительного заключения, направлению уголовного дела в суд и поддержанию в суде обвинения⁵.

⁴ Каплин М.Н. К вопросу о понятии уголовной ответственности // Дифференциация уголовной ответственности и вопросы юридической техники в уголовном праве и процессе. Ярославль, 2001. С. 77–78 (цит. по: Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 334).

⁵ См.: Халиулин А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (Проблемы осуществления в условиях правовой реформы) // Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. М., 1997. С. 7; Его же. Осуществление функций уголовного преследования прокуратурой России. Кемерово, 1997. С. 32; см. также: Прокуратура Российской Федерации (Концепция развития на переходный период). М., 1994. С. 40; Еникеев З.Д. Актуальные вопросы уголовного преследования в свете судебно-правовой реформы // Правоведение. 1995. № 4–5. С. 84; Его же. Уголовное преследование. Уфа, 2000. С. 8–9; Асанов В. О содержании уголовного преследования // Уголовное право. 2000. № 4. С. 3–4; Henry J. Abraham. The judicial process: an introductory analysis of the courts of the United States, England and France, N. Y., 1993. P. 134; Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 23–39.

Встречаются и несколько иные точки зрения, суть которых сводится к следующему: “При проявлении в уголовном деле фигуры подозреваемого функция уголовного преследования находит свое проявление в функции подозрения. Обвинительная функция возникает как логическое продолжение последней. Указанные функции – подозрения и обвинения – являются частями единой функции уголовного преследования, осуществляемой на всем протяжении уголовного процесса с целью изобличения лица, совершившего преступление” (см., например: Машовец А.О. Принцип состязательности и его реализация в предварительном следствии // Дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994. С. 30).

¹ Аспирант кафедры уголовного процесса Уральской государственной юридической академии.

² First Inaugural Address, March 4, 1933 // Carruth G. and Ehrlich E. The Harper Book of American Quotations. Harper & Row. 1988. P. 230.

³ Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России. Лекции-очерки. М., 1997. С. 156.

Небезынтересна впоследствии нашедшая свое отражение в современном законодательстве точка зрения М.С. Строговича, утверждавшего, что «уголовное преследование – это обвинение как *процессуальная функция* (выделено мною. Ю.К.), т.е. обвинительная деятельность, которая состоит в формулировании обоснованного вывода о совершении определенным лицом конкретного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом»⁶.

Такой же вывод напрашивается и при анализе ст. 1, 27, 31, 35 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации»⁷. Очевидно, поэтому уголовное преследование применительно к прокуратуре раскрывается как функция, состоящая «в возбуждении уголовного дела по основаниям и в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, в осуществлении расследования преступлений, в решении вопроса о направлении уголовных дел для рассмотрения в суд независимо от того, каким органом осуществлено расследование, и в поддержании государственного обвинения в суде по любому уголовному делу»⁸.

Не обошел вниманием данную проблему и Конституционный Суд РФ, сформулировав свою позицию по этому поводу в постановлении, принятом в связи с жалобой И. П. Смирновой и запросом Верховного Суда РФ от 14 января 2000 г.⁹ Согласно этому постановлению уголовное преследование на этапе досудебного производства считается равнозначным расследованию преступлений, и обе эти деятельности начинаются с момента возбуждения уголовного дела. Пункт 4 мотивировочной части данного постановления гласит: «Актом возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием», в соответствии с чем «правила о порядке возбуждения уголовного дела предваряют регулирование расследования, т.е. той досудебной стадии уголовного процесса, в ходе которой на специальные в законе органы и должностных лиц возлагаются обязанности по раскрытию преступлений, изобличению виновных, формулированию обвинения и его обоснованию». Такая трактовка порождает сразу несколько замечаний.

В самом деле, если уголовное преследование отныне считается начатым с момента возбуждения уголовного дела, то его уже нельзя отождествлять с функцией обвинения, поскольку это нарушало бы презумпцию невиновности (ч.1 ст. 14 УПК РФ, ч.1 ст. 49 Конституции РФ, ч. 2 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 11 Всеобщей декларации прав человека, ч. 1 ст. 34 Декларации прав и свобод человека и граждани-

на, ч. 2 ст. 6 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека). Следовательно, исходя из такой позиции, получается, что уголовное преследование – это, во-первых, не только функция, как неоднократно утверждает Конституционный Суд и УПК РФ (например, в ст. 15), но и деятельность по возбуждению уголовного дела, привлечению лица в качестве обвиняемого и его осуждению.

Во-вторых, о том, что это не частный случай, свидетельствует ч.1 ст. 31 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации», согласно которой, «Осуществляя уголовное преследование, органы прокуратуры проводят расследование по делам о преступлениях, отнесенных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации к их компетенции». При такой формулировке расследование любого преступления возможно исключительно в рамках реализации какой-либо деятельности, которую законодатель и называет уголовным преследованием.

Следовательно, исходя из позиции Конституционного Суда, уголовное преследование теперь нельзя понимать только «как деятельность по привлечению лица к уголовной ответственности»¹⁰, а потому правильно было бы говорить об уголовном преследовании при возбуждении уголовного дела как по факту преступного деяния, так и в отношении конкретного лица.

Проявлением непоследовательности в позиции Конституционного Суда относительно уголовного преследования является также односторонний подход к задачам (назначению) уголовного судопроизводства. Суд справедливо указал, что возбуждение уголовного дела и начатое таким образом расследование возлагают на уполномоченные законом «органы и должностных лиц обязанности по раскрытию преступлений, изобличению виновных, формулированию обвинения и его обоснованию». Однако при этом Суд ни разу не обмолвился о том, что в задачу уголовного судопроизводства входили (ст. 2 УПК РСФСР) и входят (ст. 6 УПК РФ) не только справедливое наказание каждого совершившего преступление, но и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию. Тем самым невольно приходишь к выводу, что направление всему уголовному процессу по делу задает (должно задавать) уголовное преследование.

Таким образом, уголовное преследование – это *движущая сила уголовного процесса*. Оно «организует» весь процесс по конкретному уголовному делу, определяет содержание и направление производства по нему. Кроме того, уголовное преследование обеспечивает реализацию конституционного принципа – права граждан участвовать в отправлении правосудия. Причем ч. 5 ст. 32 Конституции РФ, наделяя гражданина данным правом, не просто предусматривает его участие в рассмотрении уголовных дел в качестве присяжного заседателя, но и гарантирует его право на участие в уголовном преследовании. Оно, в свою очередь, обеспечивает осуществление установленных ст. 52 Конституции РФ прав потерпевшего от преступления

⁶ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 194.

⁷ См.: Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

⁸ Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации». М., 1996. С. 3.

⁹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации от 14 января 2000 г. // Росс. газ. 2000. 2 февр.

¹⁰ Багаутдинов Ф., Васин А. Уголовное преследование и правозащитная функция суда // Росс. юстиция. 2000. № 8. С. 27.

на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Напомним в этой связи, что в соответствии с рекомендацией № R(85)11 Комитета министров Совета Европы “О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса” от 28 июня 1985 г. важной функцией уголовного правосудия должны быть удовлетворение запросов и охрана интересов потерпевшего, повышение доверия потерпевшего к уголовному правосудию¹¹. Согласно этому документу потерпевший должен иметь право просить о пересмотре компетентным органом решения о непреследовании или право возбуждать частное разбирательство (преамбула, п. 7 разд. I.A.). Осуществление этого права происходит вследствие уголовного преследования. Не будь его (преследования), невозможно в принципе было бы приведение в действие средств защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений. Думается, в пользу данного вывода свидетельствует введение в УПК РФ ст. 22, согласно которой предусматривается право потерпевшего и(или) его законного представителя участвовать в уголовном преследовании обвиняемого, а по уголовным делам частного обвинения – выдвигать и поддерживать обвинение в установленном УПК РФ порядке.

Еще раз отметим, что уголовное преследование осуществляют органы расследования и прокуратуры, защиту – обвиняемый, подозреваемый, а также его законный представитель и защитник. Но деятельность органов следствия и дознания не исчерпывается только уголовным преследованием. Она значительно сложнее в силу публичного характера – как органов государства, призванных защищать личность от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Поэтому в уголовное преследование входят не только действия органов следствия и дознания, заключающиеся в собирании доказательств, в применении принудительных мер, обеспечивающих изобличение лица и применение к нему наказания, но и те действия, которые направлены на то, чтобы обосновать перед судом предъявленное обвинение, убедить суд в виновности обвиняемого и необходимости применить к нему соответствующее наказание. При этом поддержание государственного обвинения является лишь составной частью уголовного преследования (ч. 2 ст. 35 Закона РФ “О прокуратуре Российской Федерации”). В этом плане З.З. Зинатуллин прав, когда пишет: “Уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела и имеет место на всем протяжении производства по уголовному делу, во всех стадиях уголовного процесса, т. е. до тех пор, пока есть основания считать определенное лицо виновным в совершении преступления и заслуживающим применения к нему подлежащей отбытию той или иной меры уголовного наказания”¹².

Сказанное позволяет наметить лишь отдельные признаки, характеризующие уголовное преследование. Определение всего комплекса признаков данной категории возможно, на наш взгляд, лишь при условии

его рассмотрения с позиций общей теории права, поскольку теория права – это наука, являющаяся необходимым промежуточным звеном познания между философским уровнем обобщения и специальными юридическими науками¹³.

Однако в этой связи отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о соотношении понятий отраслевых наук (имеются в виду уголовное право и процесс) и общей теории права. Так, по мнению С.С. Алексеева, понятийное ядро, по крайней мере теории позитивного права, состоит из понятий, пришедших из отраслевых наук¹⁴. Данный подход, как представляется, имеет в своих основаниях представление о процессе обобщения, выступающего фундаментальным процессом аналитической юриспруденции. В свою очередь, относительно аналитической юриспруденции с подобной позицией можно согласиться в части генезиса основных понятий теории права, таких как норма, правоотношение, правоприменение и некоторых других. Справедливость данного положения связана и с восприятием в таком рассмотрении юриспруденции как единой науки, в рамках которой теория права и отраслевые науки различаются только по основаниям своего предмета, т. е. в “знаниевой” области (термин Н.Н. Тарасова).

Вместе с тем понятия, возникающие в рамках догмы права путем теоретического обобщения в отраслевых науках, коими, в частности, и являются уголовное право и процесс, безусловно, составляют понятийное ядро всей аналитической юриспруденции. Естественно, что исторически, как правило, основные юридические понятия формировались в отраслевых науках, однако означает ли это, что достаточно одного простого переноса понятия “уголовное преследование” в сферу общей теории права, остается не совсем ясным. Представляется, что механизм такого “переноса” довольно сложен, так как в данном случае принципиальными являются как минимум два момента: 1) при таком “переносе” понятие получает теоретическое (как формальное, так и содержательное) оформление; 2) уже теоретически оформленное, оно включается в систему иных категорий, а следовательно, приобретает новые эвристические возможности.

Иными словами, с учетом сказанного в настоящей работе допускается возможность подобной экстраполяции понятия “уголовное преследование”, так как, во-первых, оно имеет собственно теоретическую природу (по своей эвристической значимости уголовное преследование оказывает заметное влияние на формирование юридической конструкции уголовной ответственности в уголовном праве), а во-вторых, представляет собой интерес в силу возможности соотношения с категориальным строем общей теории права.

Думается, такая постановка вопроса не вызовет возражений, тем более что уже имеется ряд работ, посвя-

¹¹ См.: Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 114–116.

¹² Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Ижевск, 1997. С. 7–8.

¹³ См.: Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 18–19. По этому поводу высказана довольно интересная мысль Н.Н. Тарасовым: “В исследовательской практике юридическая наука сегодня, в той или иной степени, осуществляет методологическую рефлексию всех уровней” (см.: Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 75). Сказанное позволяет утверждать, что и рассматриваемая нами проблема по сути своей – методологического порядка.

¹⁴ См.: Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 166.

ценных исследованиях процессуальной деятельности с точки зрения реализации норм права¹⁵. В частности, представляется весьма плодотворным исследование уголовного преследования именно в этом аспекте¹⁶, что позволит экстраполироваться из области социальной действительности в предметную область настоящего исследования, изучить данное явление в своем генезисе, представить его своими основными закономерностями и тенденциями в имманентных, сущностных свойствах, признаках и характеристиках.

Известно, что реализация права всегда выражается в определенном поведении субъектов, направленном на претворение норм права в жизнь. Однако это поведение по-разному связано с юридическими нормами, совершается различными субъектами. В частности, определяющее значение принадлежит тому, реализуется ли норма права только в действиях субъектов фактического отношения, регулируемого правом, или же необходимо прибегнуть к помощи компетентных органов власти. Когда юридическая норма реализуется только в действиях участников данного отношения, формы реализации отличаются по признаку того, направлены ли действия субъектов на исполнение обязанностей или же они прежде всего выражают осуществление субъективного права.

Сказанное объясняет научный плюрализм по данному вопросу. Так, одни авторы считают, что процессуальные нормы реализуются в основном в форме исполнения, соблюдения и использования (В.М. Горшенев, В.В. Лазарев). Другие утверждают, что процессуальные нормы реализуются и в форме применения (К.И. Комиссаров). Третьи – что правоприменительной деятельности в уголовном судопроизводстве принадлежит ведущее место в системе возможных форм реализации норм права (П.С. Элькинд, В.П. Божьев). Кроме того, под применением права иногда понимается всякая активная деятельность по реализации норм¹⁷ или же всякая деятельность по организации осуществления норм в правоотношениях¹⁸. Конечно, можно пойти еще дальше и вообще отождествить понятие реализации и понятие применения норм права, что, кстати сказать, уже предлагалось в юридической литературе¹⁹, но в нашем случае это не приведет к более глубокому пониманию уголовного преследования, его роли в

механизме уголовно-правового регулирования, в обеспечении назначения уголовного судопроизводства.

Поэтому представляется наиболее резонным вывод о том, что правоприменительная деятельность в уголовном судопроизводстве занимает исключительно важное место²⁰, но в то же время всю деятельность того же следователя в процессе осуществления уголовного преследования нельзя сводить лишь к деятельности по применению норм права, поскольку такие, например, следственные действия, как производство осмотра, допрос и др., правоприменения не требуют, так как их реализация принятием правоприменительного акта не завершается. В ходе осуществления уголовного преследования имеют место и такие формы, как соблюдение, исполнение, использование, однако их “удельный вес” (если можно так выразиться) в системе форм реализации норм права довольно незначителен. Именно это обстоятельство и дает возможность, абстрагируясь от других форм реализации норм права, утверждать, что деятельность по осуществлению уголовного преследования представляет собой деятельность по применению норм права²¹.

Следует особо подчеркнуть, что применение права – это не просто одна из форм реализации, но такая особая форма, которая по отношению к другим выполняет обеспечительные функции, что служит одним из оснований обособления применения норм права от других форм реализации, причем, называя применение норм права особой формой реализации, оговоримся, что реализация наступает в результате исполнения правоприменительного решения, поскольку индивидуальное властное решение по делу лишь направлено на реализацию применяемой нормы права, но еще не реализует ее²².

Таким образом, деятельность по осуществлению уголовного преследования представляет собой дея-

¹⁵ См., например: *Элькинд П.С.* Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967. С. 143–154; *Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства // Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. Свердловск, 1969; *Божьев В.П.* Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975. С. 44–53; *Парадеев В.М.* Формирование обвинения на предварительном следствии в советском уголовном процессе // Дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1978. С. 50–64.

¹⁶ Тем более что последнее время в научной литературе теория права трактуется как рефлексия оснований правовых наук (см., например: *Нерсесянц В.С.* Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998. С. 111).

¹⁷ См.: *Теория государства и права*. М., 1955, С. 384; *Общая теория государства и права*. Л., 1961, С. 407.

¹⁸ См.: *Недбайло П.Н.* Применение советских правовых норм. М., 1960, С. 129.

¹⁹ См.: *Теория государства и права*. М., 1949, С. 413.

²⁰ В связи с этим следует признать правильным мнение авторов, которые считают, что деятельность компетентных органов по применению процессуальных норм является основной движущей силой процесса (см.: *Мельников А.А., Кудряшова А.И.* Понятие применения норм гражданского процессуального права // Проблемы применения норм гражданского процессуального права. Вып. 48. Свердловск, 1976. С. 25).

²¹ Подобное допущение позволяет нам обойти стороной иных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения – гражданского истца, потерпевшего, частного обвинителя. Данный аргумент никоим образом не отрицает их права на уголовное преследование, но только лишь раз доказывает обоснованность “усеченного” преследования со стороны указанных субъектов. Так, например, право частного обвинителя на участие в уголовном преследовании сводится только к выдвижению и поддержанию обвинения. К тому же его процессуальный статус сильно зависит от вынесения соответствующего процессуального акта должностным лицом, а в судебном заседании – от позиции государственного обвинителя (см., например: *Козубенко Ю.В.* Понятие и значение гражданского иска в уголовном преследовании в свете защиты имущественных прав граждан. Ученые записки. Сборник научных трудов юридического факультета Оренбургского государственного университета. Вып. 1. Оренбург, 2004. С. 217–223).

²² См.: *Леушин В.И.* Реализация, применение и толкование права. Теория государства и права. Учебник для вузов / Отв. ред. В. Д. Перевалов. М., 2004. С. 239. Вот почему правомерно предположить, что уголовное преследование в каком-то смысле возможно и в стадии исполнения приговора.

тельность по применению норм права. Поэтому, принимая во внимание некоторые намеченные ранее признаки уголовного преследования, а также модифицируя характерные черты правоприменительной деятельности с учетом специфики уголовного судопроизводства, считаем возможным выделить следующий комплекс признаков, характеризующих уголовное преследование:

1. Уголовное преследование – деятельность *процессуальная*, поскольку осуществляется в предусмотренных уголовно-процессуальным законом формах²³.

2. Названная деятельность осуществляется компетентными государственными органами и должностными лицами, поскольку только они вправе и обязаны устанавливать фактические обстоятельства дела, давать им юридическую оценку и принимать соответствующие решения по делу.

3. Содержание данной деятельности заключается в принятии мер по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления, а также в вынесении соответствующих актов уголовного судопроизводства, адресованных конкретным участникам уголовно-процессуальной деятельности и содержащих формулировку обвинения.

4. Деятельность по осуществлению уголовного преследования носит *государственно-властный* характер, так как обеспечивается принудительной силой государства.

5. Уголовное преследование – основная движущая сила уголовного процесса, которая организует весь процесс по конкретному уголовному делу и определяет содержание и направление производства по нему.

Таким образом, уголовное преследование представляет собой государственно-властную, организующую процессуальную деятельность компетентных государственных органов и должностных лиц по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления, а также по установлению иных фактических обстоятельств дела, их юридической оценке и вынесению соответствующих актов уголовного судопроизводства, содержащих формулировку обвинения, адресованных конкретным участникам уголовно-процессуальной деятельности.

Деятельность по осуществлению уголовного преследования как правоприменительная есть своеобразный процесс, представляющий собой совершение компетентным государственным органом или должностным лицом требуемых действий. Говоря об этой деятельности как о процессе, нельзя избежать рассмотрения вопроса о содержании этого процесса, развивающегося в определенной последовательности. Учитывая однородность совершаемых действий, цели, преследуемые ими, а также относительную обособленность их во времени, можно говорить о стадиях, или этапах, правоприменительной деятельности. Ста-

дии применения норм права не имеют резко выраженных границ. Их обособление, выделение возможно и целесообразно лишь в целях наиболее углубленного их исследования. В практике правоприменительных органов стадии деятельности по применению норм права тесно переплетаются и взаимно обуславливают друг друга. Следовательно, и уголовное преследование, представляя собой правоприменительную деятельность, характеризуется стадийностью. Однако последовательность перехода от одной стадии к другой при осуществлении уголовного преследования относительна, так как после изобличения лица или лиц, виновных в совершении преступления, а также после установления фактических обстоятельств дела, их юридической оценки у следователя (или суда) может возникнуть необходимость вернуться к установлению обстоятельств дела, произвести какие-либо следственные или иные процессуальные действия. Точно так же при принятии решения по делу, например, о формулировании предъявляемого обвинения следователь нередко вынужден возвращаться к установлению фактических обстоятельств дела и их юридической оценке. Но, несмотря на взаимопроникновение и взаимозависимость указанных действий, деятельность по осуществлению уголовного преследования проходит названные выше стадии.

Стадии правоприменительной деятельности представляют собой логическую последовательность действий при вынесении правоприменительного акта, которая повторяется в каждой стадии уголовного процесса и заканчивается принятием правоприменительного акта и его исполнением²⁴.

По нашему мнению, поскольку в пределах одной стадии уголовного процесса может возникнуть и фактически возникает не одна, а множество конкретных ситуаций, требующих применения норм права и, соответственно, вынесения правоприменительного акта, то было бы точнее говорить о совокупности стадий правоприменительного процесса в пределах каждой стадии уголовного судопроизводства.

Разные авторы выделяют неодинаковое количество стадий правоприменительного процесса²⁵. Нам представляется правильной точка зрения, согласно которой любой правоприменительный процесс, а следовательно, и процесс осуществления уголовного преследования, подразделяется на три стадии, являющиеся обязательными как для разрешения любого правового вопроса, так и уголовного дела в целом:

- 1) установление фактических обстоятельств дела;
- 2) установление юридической основы дела – выбор и анализ юридических норм, подлежащих применению, путем правовой квалификации и юридического толкования;

²⁴ Дюрягин И.Я. Применение норм советского права. Свердловск, 1973. С. 50.

²⁵ Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 223; Лупинская П.А. Теоретические основы принятия решений в советском уголовном судопроизводстве // Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. М., 1973. С. 14; Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 142; Ег же. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967. С. 151.

²³ В данном случае сознательно не затрагивается один из важных аспектов уголовного преследования – непроцессуальный, осуществляемый, например, в процессе деятельности по розыску либо установлению лица, совершившего преступление. Указанная деятельность, хотя и направлена на изобличение лица, имеет несколько другие основания и порядок осуществления, а потому следует воздержаться от поспешного отнесения ее к исследуемой категории.

3) решение, выраженное в правоприменительном акте²⁶.

Такое понимание ломает традиционное представление об уголовном преследовании как сугубо обвинительной функции, а разграничение на стадии позволяет утверждать, что уголовное преследование осуществляется и на предварительном расследовании, и в судебном разбирательстве, и в стадии исполнения приговора. Проявляясь в имманентных сущностных свойствах, признаках и характеристиках на каждой из этих стадий уголовного процесса, уголовное преследование соответственно имеет и там свои этапы (подстадии). Например, на судебном разбирательстве это – “подстадии” судебного следствия, прения сторон, постановления приговора.

Кроме того, уголовное преследование взаимообусловлено и взаимосвязано, с одной стороны, с уголовной ответственностью, с другой – с иными мерами государственного принуждения следующим образом: уголовная ответственность и уголовное преследование соотносятся как цель и средство. Уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела и завершается с наступлением уголовной ответственности (когда суд от имени государства признает лицо виновным в совершении преступления во вступившем в силу обвинительном приговоре). Иными словами, в процессе рефлексии юридической практики, научного анализа и синтеза, теоретического моделирования уголовное преследование наиболее удобно рассматривать на примере генезиса понятия “механизма уголовно-правового регулирования”. То есть в данном случае уголовное преследование выступает концептуальным понятием – таким, которое представляет собой не описание действительности, а ее концептуализацию посредством существующих теоретических представлений и их синтез в рамках единой теоретической идеи. Поэтому уголовное преследование можно и нужно рассматривать как юридическую конструкцию, интерпретировать в логике: “отношение” – “конструк-

ция” – “норма”²⁷ с целью обобщить данные отраслевых наук, полученных при анализе отдельных жизненных ситуаций, в которых поведение участников общественных отношений отвечает требованиям государственных велений либо отклоняется от них, и представить как фрагмент единого процесса уголовно-правовой регуляции.

Однако в связи с этим следует учитывать: никакая теоретическая модель не может толковаться как непосредственное изображение реальности; “тот факт, что модель работает хорошо, сам по себе не означает, что реальность структурирована так же, как и эта модель”²⁸. Сказанное означает, что уголовное преследование прежде всего необходимо рассматривать именно с этих позиций с “попутным” применением догматического анализа. Только подобным образом представляется возможным, наконец, разрешить многие возникающие коллизии в концепции уголовного преследования, заложенного в действующем законодательстве.

²⁷ По сути, предлагается заняться инженерией. Термин “инженерия” впервые был использован Роско Паундом в его “Введении в философию права” (*R. Pound. Introduction to the Philosophy of Law*. 1922. P. 99; см. также: *Поннер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992. С. 262). Иными словами, при переходе в систему представлений классической науки возникает аналогия синкретического соединения в юридическом исследовании, как минимум, четырех видов “деятельности”, например теоретической (работа с понятиями), экспериментальной (истолкование теоретических конструкций в терминах социальной практики), инженерно-конструкторской (разработка предложений по совершенствованию законодательства и практики) и организационной (реализация таких предложений). Причем особенность здесь в том, что в данном случае превалирует не концепция идеальных построений, а эмпирически воспринимаемая реальность и мыслительное конструирование фрагментов этой реальности.

²⁸ *Фейерабенд П.* Галилей и тиранья истины // Кентавр. 1999. № 19. С. 27.

²⁶ *Алексеев С.С.* Указ. соч. С. 119, 123.